Своё ~ не хорошее / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 21 января, 2025
Своё ~ не хорошее / рассказ СВОЁ – НЕ ХОРОШЕЕ

Гаип-башлык настолько привык к голосу своей жены, который непременно сопровождает и обед его и чаепитие, что без него чай ему – не чай, и отдых – не отдых. Вот что значит привычка. Тетушка Сенем начинает тараторить, когда еще чайники несет.
– Не могу больше терпеть, отец. За что, спрашивается, мне такое мучение? – Она поставила перед мужем, который пришел домой пообедать, пузатый фарфоровый чайник и… умолкла. Держала паузу, видимо, дожидаясь, что муж поинтересуется, о чем идет речь. Прежде такого за ней не замечалось: уж если начнет говорить, так и слова не вставишь.
– Это что ж тебя так, жена?.. – произнес Гаип-башлык, чтоб подвигнуть тетушку Сенем к продолжению разговора. О чем пойдет речь, его нисколько не интересовало.
– А ты как думаешь? – Тетушка Сенем подхватила реплику и тут уж вошла в свою роль. – Корова наша проклятая, чтоб рога у ней обломились! Уж не знаю, с какой стороны подступиться. Бешеная какая-то. Как начнет брыкаться, так без собаки к ней и не подойдешь. Правда, правда!.. А жрет – все подряд. Только успевай подавать. А потом уставится, точно сорок дней ее голодной держали. И мычит. Замычит, так считай пропало. Ты ей хоть воду давай, хоть сено подкладывай, мычит – и все.
– А что ж она не мычит, когда я дома?
Тетушка Сенем и глазом не моргнула.
– Вот такая вредная корова! Как увидит, что ты из дому ушел, так и начинает реветь. Ты – домой, она молчит. – Она кашлянула, прочищая горло, а заодно, чтобы подготовить мужа к самой важной информации. – Такой противной коровы, отец, наверно, на всем белом свете нет.
– Сколько у нас эта буренка?.. Года еще нет. А помнишь, как ты ее расхваливала? Уж не в твоих ли, жена, руках она, бедняжка, в самую плохую на свете корову превратилась? – Гаип-башлык не

стал уточнять, что вопрос риторический. Понадеялся на догадливость тетушки Сенем.
Он не ошибся. Тетушка Сенем сразу смекнула, куда муж клонит. Но она прекрасно знала и другое: куда бы он ни клонил, сколько бы не упирался, но в конце концов будет так, как она решила. Слава богу, не в первой.
— Ты меня, отец, не подкалывай. Я ж не ясновидящая, чтоб с одного взгляда понять, какой у коровы норов.
— А кто говорил, что никакая другая корова столько молока не дает?!
— Я говорила. Но только зачем мне это молоко, если каждая его капля такими мучениями достается.
— Мучениями, — передразнил жену Гаип-башлык. — Что у тебя за хозяйство? Какие трудности? Мой бы груз на тебя переложить, тогда бы, может, поняла, что такое трудности. Ты — жена председателя колхоза. Можно сказать, у всех на виду. В колхозе я тебя работать не заставляю. Но дома — уж будь добра!..
— Да как увижу эту проклятую, так, честное слово, руки опускаются. — Тетушка Сенем подпустила слезы в голос.
Председателю препираться надоело, но и безоговорочное свое поражение признавать тоже не хотелось.
— Где ж ты покупателя найдешь на самую проклятую на свете корову?
Ох, уж эта ирония!.. Но тетушка Сенем знала, что близка к цели, а потому муж мог иронизировать сколько ему заблагорассудится.
— У нее это что ли между рогами написано? А даже и было бы написано, так никто читать не станет. Люди за честь почтут, хоть что с нашего двора купить. — Тетушка Сенем задумчиво посмотрела в окно. Мысленно она уже с кем-то торговалась и единственное чего боялась — продешевить. Действительно, сколько же за эту корову можно взять? Она подлила мужу чай и сказала: — Уж лучше бы я в гости к Мамагуль не ездила. Как увидела ее корову — залюбовалась. Во всем их селе нет коровы лучше. Вот какая мне корова нужна: смирная, ласковая. Стоит спокойно, даже головы не повернет. А какой теленочек?! Ты бы его увидел, так тоже бы глаз оторвать не смог. Может купим,

отец, а?.. – Теперь черед тетушки Сенем задавать риторические вопросы. Можно было бы, конечно, обойтись и без этого, но в стратегическом плане такой вопрос необходим. Почему? Так и быть, открою секрет. А вдруг и эта корова плохой окажется? Мало ли что Мамагуль говорит, на всякий случай надо и к худшему подготовиться. Как-то спокойней на душе, когда знаешь, что в любой момент можно сказать: «А разве не сам ты говорил покупай!». Вот почему так важно добиться от мужа ответа. – Ты чего молчишь, отец? Как скажешь, так и будет. Если решил купить, так и не станем тянуть. Возьмем? Ну, говори же. Купим, да?

Гаип-башлык почувствовал, что кольцо окружения сейчас сомкнется. Он взглянул на жену, сглотнул слюну и с решительным видом встал:

– Посерьезней разговор есть, чем о корове… Ты давай, крепенького чаю мне завари да неси в дальнюю комнату. Я там пообедаю. А пока ты чай завариваешь, я переоденусь.

– А в этой комнате что, крепкий чай пить нельзя? И обед готов.

– Я говорю, серьезный разговор. С глазу на глаз, поняла? – Гаип-башлык снизил голос и с таинственным видом посмотрел по сторонам, словно кто-то их мог подслушать.

Чтоб добиться своего, в чем-то порой приходится уступать. Раз муж сказал, что будет обедать в дальней комнате, значит так тому и быть. Может и в самом деле есть важный разговор. Не споря больше, Сенем-эдже отправилась хлопотать о крепком чае. Заварила, принесла в дальнюю комнату и, ни слова не проронив, поставила чайник перед мужем. Гаип-башлык придвинул чайник поближе и прилег, упершись локтем в подушку, всем своим видом показывая, что теперь он готов продолжить беседу. Но о чем?.. Что еще за важный разговор?.. Сенем-эдже было любопытно, но, с другой стороны, где ж взять терпения, чтоб дождаться, когда созреет ее уж чересчур степенный муж. Можно подумать, что только у него важные дела.

– Дочка, между прочим, сегодня приходила. Приехала со своим усатеньким муженьком, – сообщила Сенем-эдже.

– К черту и дочку твою, и мужа ее усатенького! – Помянув черта, Гаип-башлык по привычке глухо кашлянул. – Пустая у нее

голова, пустая! Я удивляюсь, отчего это девушкам чужие парни лучше своих кажутся. Так и норовят замуж выскочить за незнакомого, в чужое село да еще, чтоб подальше. Бывают же такие дуры!

— Вышла бы за кого из соседей, — подхватила Сенем-эдже, — так и уважали бы ее побольше. Приходила бы к родителям, когда захочется, взяла бы из дому, что нужно. На дочь башлыка косо никто не посмотрит…

— Не смогла ты ее воспитать как следует!..

— Воспитание она, отец, получила, — Сенем-эдже вся собралась, приготовившись к обороне, — нельзя же в самом деле допустить, чтобы все твои труды пошли насмарку! — Просто мода теперь у девушек такая. Самостоятельности хотят. Вот и наша за этой проклятой модой погналась. Иначе разве бы пошла против материнской воли. Можно подумать у меня душа не болит. И днем и ночью думаю, чем этот усатый ее приворожил. Неужто его усы ей милей, чем родители. Это ж надо: ради мужа от родителей своих отречься! Мы разве такие были? Родителей душой и сердцем уважали. Как они решат, так и было…

— Правильно. Поэтому и живешь счастливо… — начал Гаип-башлык, но развить эту мысль не успел. Сенем-эдже пропустила его реплику мимо ушей.

— Так вот. Гляжу я на нее и думаю: натворила дел, доченька, зачем теперь-то пожаловала. И этот, усатый герой, стоит, подбоченясь, рядом, точно гору своротил. Спра¬шивает: «Может, какая помощь нужна. Только скажите, все сделаю». «Ты уже свое сделал!» — думаю, а вслух, значит, так резко говорю: «Ты, парень, знай, мы ни в чьей помощи не нуждаемся. Это к нам помощь просить приходят!». Ах, какая у меня дочь скромная была!.. Это ты, Гаип, виноват, что она из дому убежала.

Гаип-башлык ушам своим не поверил. Он так и замер, удивленно выпучив глаза.

— Да, да, не смотри на меня так!.. — Сенем-эдже знала, что для достижения победы мало обороняться, надо атаковать. Истина эта, в общем-то, широко известна, но Сенем-эдже постигла ее не с чужих слов, не в мемуарах какого-нибудь полководца вычитала.

— Ребенка не одна мать воспитывать должна. Отцовское

воспитание – особое. А ты?.. Тебе несчастный хлопчатник дороже собственных детей. С утра до ночи в поле. Ну-ка, вспомни, когда ты интересовался, чем твои дети занимаются, как они учатся?! Все я, все я. А у меня тоже не десять рук и голова, между прочим, тоже одна…

Гаип-башлык принялся ногтем прочерчивать узоры ковра – есть у него такая привычка. Уж кому-кому, а тетушке Сенем хорошо известно, что это означает. Муж признал свое поражение.

Наступило тягостное молчание. Но по-настоящему насладиться победой Сенем-эдже не успела: в дверях появился Деркар, ее тринадцатилетний сын.

– Мам, а я вас везде ищу! – Деркар посмотрел на отца, что лежал упершись локтем в подушку и низко склонив голову, потом на мать, которая сидела слегка откинувшись назад и как бы свысока поглядывала на мужа. – Что вы тут делаете?

– Да так, разговоры вяжем, сынок.

– А я травы принес. Полный мешок. Аж у старого мавзолея собирал!..

Гаип-башлык только что выслушавший упрек, причем справедливый упрек тетушки Сенем, вспомнил о своем отцовском долге.

– Молодец, сынок. Доброе дело сделал. Только не надо было так далеко ходить. По обочинам тоже травы много.

Деркар пропустил эту реплику мимо ушей.

– Мам, теперь можно пойти поиграть?

Сенем-эдже не ответила. Она посмотрела на мужа и как бы приободрила его, мол, сам скажи. Гаип-башлык тяжело вздохнул, ища выход из непростой ситуации.

– Надо же, какие времена настали. Раньше сено тележками домой везли, а теперь ребенок должен собирать. Поиграй, сынок. – Сенем-эдже удивленно посмотрела на мужа, и Гаип-башлык предостерегающе поднял руку. – Траву корове не давай, сынок. Мы ее сейчас продавать будем.

Деркар ушел, но почти сразу же вернулся.

– Папа, там тебя кто-то спрашивает.

– Скажи, что папы нет – в район уехал, – распорядилась Сенем-эдже.

Деркар ушел, притворив за собой дверь. Гаип-башлык, зная, что

покоя теперь не будет, заторопился:
— Значит, вот какой разговор, жена, — начал он, но продолжить не успел, потому что тетушка Сенем решительно поднялась.
— Я побегу, надо соседям сказать, что корову продаем.
Если женщина, не дай бог, что-нибудь задумает, так потом ни другим, ни себе покоя не даст. Разве могла Сенем-эдже, буквально вырвав у мужа разрешение, терпеть, чтобы самая проклятая на свете корова оставалась в ее хлеву? Разумеется, нет.
— Потом поговорим, отец, — сказала она, выходя из комнаты. Так серьезный разговор был отложен до вечера.

Стоило сообщить новость соседке, как через некоторое время хлынули покупатели. Чуть ли не все село собралось. Видя такое дело, Сенем-эдже сказала, чтобы люди сами назвали цену. Тотчас объявился посредник, и разгорелся торг против которого иные международные аукционы просто детская игра. Тем, кто надеялся купить председательскую корову задешево, пришлось прикусить губу. Не прошло и получаса, как буренка сменила хозяина. Им стал самый преду¬смотрительный, что захватил с собой побольше денег. А те, что замешкались, даже поторговаться не успели, им осталось только завистливо наблюдать, как счастливчик, обмотав веревкой рога собственного счастья, гордо ведет к себе домой бывшую председательскую корову.
Полдела было сделано, но Сенем-эдже не позволила себе отдыхать. Вместе с Деркаром отправилась она в соседнее село к Мамагуль, и еще засветло они вернулись обратно, гоня перед собой корову с теленком. И даже после этого отдыхать было рано. Вывалив в ясли всю заготовленную Деркаром траву, Сенем-эдже издали понаблюдала за коровой, рассмотрела ее со всех сторон и, придя к заключению, что никогда прежде не было у нее такой ладной, такой замечательной коровы, позволила наконец себе немного расслабиться.
Она бы и чайку, может, выпила, если бы для этого не требовалось идти в дом, а следовательно, разлучиться с новобретенной коровой. Пить же чай в хлеву Сенем-эдже остереглась — еще увидит кто из соседей. Она заняла

наблюдательный пункт на айване и стала дожидаться мужа. Когда же он приехал, то первым делом повела его любоваться своим приобретением.
— Вот, отец, о какой корове я всю жизнь мечтала! Смотри, какая спокойная. А теленок… Вылитая мама!
За ужином тоже только и было разговоров, что о новой корове.
— Помешалась ты на этой корове, — позволил высказать свое недовольство Гаип-башлык, когда дети ушли спать.
— Молока я не много надоила, пустила к ней теленочка, — сообщила в ответ Сенем-эдже в десятый или даже может быть в одиннадцатый раз за вечер. И, видимо, почувствовав, что терпение мужа сейчас лопнет, прибавила: — Вот теперь, отец, я спокойна.
— Зато мне покоя нет, жена, — сказал Гаип-башлык, направляя русло беседы к тому серьезному разговору, что в обед был отложен до вечера.
— Что еще случилось?
— Работники, черт бы их побрал… Ни на кого положиться нельзя. Думаешь, вот, наконец, нужный кадр, а ока¬зывается — нет. Как у русских говорится: «Федот, да не тот!».
— Вытури этого Федота. — Тетушка Сенем предпочитает меры простые и решительные.
— Вытурить. Легко сказать. Кадров нет для замены. Предположим, выгоню, а кому дела их передать?
— Назови-ка, хоть одного, кто не тот.
— Абды, наш главбух. Зла не хватает. Простым бухгалтером в соседнем колхозе работал. И кого я только не упрашивал, чтоб его к нам перевели?.. Перевели. Двух лет еще не прошло, как кресло главбуха занял, а наворовал уже столько, что страшно становится. Ревизоры сказали, что с первого дня работы начал хитрить. Из-за него и мне выговор влупили. А я в чем виноват: сказали — хороший работник, вот я и доверился.
— Что-то тут не так, отец. Ведь Абды человек мягкий, скромный. Мне всегда «гелнедже» говорит, готов любую просьбу выполнить.
— Вот, вот. Эти просьбы выполняя и натворил дел. — Гаип-башлык шумно вздохнул. — Вот теперь и ломаю голову, кого на его место посадить.

— Не хорошо получилось, — с сожалением произнесла Сенем-эдже, перед мысленным взором которой в этот миг было жалкое лицо всегда вежливого и угодливого Абды.
— Правление проводил. Многие предложили Серхена. Но я не согласился.
— Серхен?.. Это кто такой?!
— Да один парень из первой бригады. Толковый, с высшим образованием. На какую работу его не направишь, он и слова наперекор не скажет. Но не ужился с Абды. Верней, Абды его за что-то невзлюбил. Каждый день на меня наседал, умолял, чтоб избавил его от Серхена. Я и отправил парня табельщиком в пески. Теперь его в контору вернуть, значит свою ошибку признать. Мне кажется, что лучше человека со стороны пригласить.
— Обратись в район.
— Сказали, чтоб такие вопросы сам решал.
— С Абды говорил?
— Говорил. Рекомендует одного односельчанина своего. Молодой, недавно финансово-экономический техникум закончил. Побеседовал с ним — с первого раза неплохое впечатление.
— Справится, — сказала Сенем-эдже, которая знала, что хочется услышать мужу. — А если кто из бухгалтеров с высшим образованием станет шум поднимать, скажи, что сверху указание.
— Вот это ты верно сказала! — обрадовался Гаип-башлык.
На этом совет закончился, но не закончилась наша история.
Обманула новая корова надежды тетушки Сенем. Ладная и смирная, но ведь корова еще и молоко давать должна. А с этим у нее, как говорится, была напряженка. Недели не прошло, как желанная корова окончательно обесценилась в глазах Сенем-эдже. И она не скрывала своего разо¬чарования. Прийдя в один прекрасный день на обеденный перерыв Гаип-башлык почувствовал, что жена нынче не в духе. День, как уже говорилось, стоял прекрасный, настроение у Гаипа было приподнятое, и потому он не придал этому значения.
— Ну-ка, жена, неси чай! — весело скомандовал он.— На топчане посидим, на свежем воздухе.
— Что ж, можно и на топчане почаевничать, отец… — Голос Сенем-

эдже дрогнул, она запнулась, не зная, как сообщить мужу о корове. — Что не делаю, все не так выходит. Наша новая корова, отец, совсем без молока оказалась. Говорила же Мамагуль, да я внимания не обратила.
— Так… Где приобретаем очередную корову? Небось уже есть двор на примете? — улыбнулся Гаип-башлык. Сенем-эдже сделала вид, что не заметила этой усмешки.
— Стоит, как вкопанная, даже голоса не подаст. Я, отец, боюсь, как бы с чей чего не случилось. Как бы не околела… Да, поторопились мы, отец. Не стоило старую корову продавать. Помычала бы и перестала. Это ты, отец, виноват. Надо было меня отговорить, а ты даже слова против не сказал. — Произнеся эти слова, Сенем-эдже внутренне замерла, ожидая, как муж отреагирует на ее упрек.
— Что-то Деркара не видно?
Очень неожиданный вопрос. Сенем-эдже почувствовала, что разговор уходит из-под ее контроля.
— За травой его послала.
— Опять к мавзолею отправился?
— А куда же еще.
— Что, поблизости травы нет? — Гаип-башлык скинул туфли и забрался на топчан. А так как Сенем-эдже молчала, ему пришлось самому ответить на свой вопрос. — Ничего в мире не меняется. Мы и сами ходили черти куда, пять-шесть километров не лень было мешок тащить, хоть рядом с домом травы сколько угодно.
— Все мы такие были, — дипломатично согласилась Сенем-эдже, а сама тем временем лихорадочно обдумывала, куда клонит муж. С чего это он вдруг заговорил о сыне, прошлое стал вспоминать. Не хочет о корове говорить? Ну и правильно! Ей даже стыдно стало, что она докучает мужу по пустякам. Можно подумать, что у него без коровы хлопот мало. Сенем-эдже решила, как ей быть. Она продаст корову и купит новую… Разве Гаип в хлев заглядывает? Нет. И правильно делает! Пусть у него о семейных делах голова не болит. И в полной мере оценив деликатность мужа, Сенем-эдже решила показать, что и ей небезразличны его заботы.
— Как на работе дела, отец? Все уладилось?

— А как же иначе!
— Я так и знала.
— Разве есть что-нибудь, чего ты, Сенем, не знаешь? — похвалил жену Гаип-башлык.
— Да!.. Тут с утра, отец, несколько человек приходило. Все такие приветливые. Должность нужна. Никому не охота в поле потом обливаться.
— Ну и что?
— Сказала, чтобы к тебе обращались, к башлыку.
Гаип-башлык улыбнулся.
— А народ, между прочим, тебя за глаза Сенем-башлык кличет.
— Мало ли что завистники говорят.
В этот миг приятный разговор супругов был прерван громким куриным кудахтаньем и хлопаньем крыльев у ворот.
— Кыш, кыш! — крикнул Гаип-башлык. Надо сказать, что хотя многие в колхозе побаивались его грозного голоса, нахальные куры на него никак не отреагировали. — Сенем, сколько раз просил — не выпускай кур.
— Я и не выпускаю, отец. Это соседские.
— Ишь ты. Даже не думают, что они в чужом дворе.
— Устала уже соседям говорить. Обещают не выпускать, а делают по-своему. Придется сказать им слово покрепче. Нечего своих кур у нашего порога откармливать! — Взгляд тетушки Сенем остановился на одной из кур. — Ты посмотри, отец, какая курочка. И у нас такой нет. Такая хорошенькая…
— Соседская плешивая курица красивей лебедя кажется… Не слышала этой присказки?
— Да ты посмотри, отец. Грудка какая!.. Из нее такой плов получится, — мечтательно произнесла Сенем-эдже.
— А наши куры для плова не годятся?
— Плов плову рознь, отец. Из этой курицы не плов будет — объедение. Если не так, значит я уж совсем ни в чем не разбираюсь. Поговорю я с соседями, а, отец? За такую курочку и денег не жалко.
…Надо ли уточнять, что на ужин был плов и что соседской курице не удалось миновать казана тетушки Сенем. Однако справедливости ради надо отметить, что плов и в самом деле

получился отменный!..

1987 г.

ОСМАН ОДЕ. Hekaýalar